

БИОГРАФИЯ

ВЕРНЕР КОНЦЕ: ТРАДИЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ

Райнхарт Козеллек

*Werner Conze: Tradition und Innovation.
Von Reinhart Koselleck //
Historische Zeitschrift, 1987, Bd. 245, H.3, S.529–543.
© R.Oldenburger Verlag München
Перевод В.И.Рубцова*

Вернер Конце родился в 1910 г., умер в 1986 г. Семьдесят шесть лет его жизни, жизни в полной мере состоявшейся, отмечены таким богатством пережитого, которое не укладывается в простую антитезу: традиция и обновление. Конце принадлежит к поколению, путь которого обозначен иными вехами: мировая война и закат кайзеровской империи, Версаль и революция – в детстве; Веймарская республика, мировой экономический кризис и восхождение Гитлера к власти – в школьные и студенческие годы; создание Великой Германии, начало новой мировой войны, массовая гибель и убийства людей, катастрофа. В этот период Конце вступает в ряды студенческих штурмовых отрядов (SA), получает диплом о высшем образовании, мужественно встает на защиту своего учителя Ротфельса, подвергнутого остракизму и вынужденно эмигрировать в 1934 г., получает звание преподавателя высшей школы (1940 г., Вена) и назначение в Позен (1943 г.). Семь из двенадцати лет национал-социалистского господства он служил солдатом и офицером, сражался до конца, тяжело раненным вырвался из русского плена и в конце концов отыскал на Западе свою бежавшую с Востока семью. Затем наступили времена нищеты и восстановления, раскол и расчленение Германии, глобальная конфронтация великих ядерных держав, появление «третьего мира». В этот период Конце сначала шесть лет упорно занимался научной работой в Геттингене, не имея постоянной должности и надежного источника средств к существованию, в том числе для обеспечения своей семьи, которая вынуждена была даже помогать ему; затем он получает должность и.о. профессора в Гейдельберге, которую он так и не оставил, несмотря на многочисленные предложения; в 1969–1970 гг. возглавляет ректорат в обстановке острого кризиса в университете, и далее, даже выйдя на пенсию, ведет неустанную работу вплоть до самой смерти. Его смерть –

прямое следствие тяжелого ранения, которое однажды, в 1944 г., спасло его от неминуемой гибели.

Итак, перед нами биография человека, наделенного всеми специфическими чертами поколения, к которому он принадлежал. Крушения и взлеты, провалы и новые начинания – таковы политические приметы жизненного пути поколения Конце. Если бы историк с помощью альтернативы «традиция – обновление» захотел хронологически упорядочить этот изменчивый отрезок времени или систематизировать его, разложив на составные части, то, сколь бы заманчивой ни казалась эта научная задача, данная альтернатива явилась бы для реально состоявшейся истории этого периода либо слишком узкой, либо чрезмерно широкой. Катастрофы не уместились бы в ней.

Но если посмотреть на личную и научную биографию Вернера Конце в контексте политической судьбы его поколения, со свойственной этому поколению слепотой по отношению к происходящему, то эта альтернатива поможет нам понять его сугубо индивидуальный жизненный путь, его труд в науке и его воздействие на окружающий мир. Предполагаемый разрыв между традицией и неизбежностью обновления, бесспорно существующий в общеисторическом плане, Конце воспринял и понял как сугубо личный жизненный вызов. Выстоять и постоянно искать выход, помогать другим находить его – это стало заповедью научного, а поэтому и личного существования Конце.

Стремление к мирному сочетанию традиции и обновления характеризует весь путь Конце в науке, и не только в науке. Поэтому было бы неправильно разделять его жизнь на тридцать пять лет до 1945 г. и сорок лет после 1945 г. в том смысле, что первую половину составляют лишь сегментированные политическими событиями годы ученичества и странствий, а вторую половину – только годы мастерства. В гораздо большей мере для Конце характерно то, что как в личной жизненной позиции, так и в научной работе он всегда старался соединить унаследованное с новым. Иными словами, уже с юных лет он был мастером в деле постоянного ученичества. И чем меньше оставалось времени для собственного обучения, тем больше побуждал он тех, кто моложе, к обновлению в науке.

В молодежном движении его поколения типичным переживанием было волнение и восторг выступающего в поход – максима чувств, сама по себе свойственная лишь молодежи. У Конце она стала частью внутреннего мира и сопровождала его до самой смерти. Кого только вновь и вновь не поражал и одновременно не вдохновлял живой энтузиазм, который исходил от него в науке?

Уже в диссертации он выдвинул и выполнил абсолютно необычное для того времени требование, а именно: работать, используя не только историко-филологические приемы, но и научно-социальные методы, а также устный опрос – это вновь открываемое сегодня искусство устной истории, с которой когда-то начинал Геродот. Хочется напомнить, что благодаря усилиям Конце вновь стали традицией методологические вторжения историков в смежные систематизирующие науки и проводимые по различным методикам, разработанным Конце, опросы, на которые опирается «история повседневности». Ведь постулаты о необходимости интеграции истории и социальных наук, которые он сформулировал в двадцатитрехлетнем возрасте, сегодня все еще сохраняют

свою актуальность и обязательность. Новационным поворотом к социальной и структурной истории, если использовать терминологию определений, которыми немецкая историческая наука нового времени обозначила свою новую ориентацию, она обязана прежде всего Конце. Не выпячивая никогда свою персону, Конце, исходя из нашего гетерогенного и сложного опыта, наметил и выдвинул объективно приоритетные исследовательские программы, разработка и доработка которых, однако, идет медленно. Но его личная юношеская подвижность остается импульсом для омоложения науки в длительной перспективе. Как сказал Боден (Bodin), царства дряхлеют и сменяют друг друга – история остается вечно юной. Конце оказался на высоте этого изречения благодаря безупречному чутью на те требования к науке, которые предъявляет весь наш опыт, толкающий к преобразованиям. Его главной темой было объяснение современного мира, порожденного промышленно-техническим развитием и стоящего перед национально-революционным вызовом. Рациональный ответ можно было найти только через контрастное сравнение этого мира с досовременным, доиндустриальным, дореволюционным миром. Углубившись в сравнительный анализ, Конце меньше всего склонялся к тому, чтобы истолковывать контраст двух миров как альтернативу или антитезу.

В значительно большей мере его научные усилия были направлены на поиски многообразных уз, привязывающих все новое к унаследованному, от которого оно стремится освободиться. Долговременные традиции были для него не только логически неизбежной предпосылкой самой возможности распознавать происходящие изменения: традиции и в чисто личном плане давали ему ту опору, без которой нельзя выдерживать стремительные преобразования нашей жизни. Он придерживался традиции настолько же самобытно и естественно, насколько был спонтанно открыт для постоянного научного новаторства, без которого невозможно реагировать на ускоренные перемены нашего времени.

Эта личностная связь с прошлым коренится прежде всего в специфике его генеалогии. По своему происхождению и воспитанию Конце принадлежал к единственной в своем роде социально-исторической формации образованного протестантского бюргерства Северной Германии. На протяжении более трех столетий династия Конце – здесь может быть использована метафора – имела корни в обеспеченных кругах крестьян и землевладельцев, а также горняков, то есть была сословно привилегированной. Почти все они были родом из Нижней Саксонии и Гарца, что допускает предположение о таком типе местных старожилов, которые регулярно пополняли верхушку местного бюргерства. Помимо обыкновенных эмигрантов в Россию или Америку Конце вновь и вновь поставляли бургомистров, городских советников, чиновников, священников, юристов, иногда учителей и офицеров, и никогда – врачей и деятелей искусства. Хотя с точки зрения статистики это лишь игра случая, но здесь вырисовывается тип семьи, которой, пусть и не вполне сознательно, приходилось заботиться об упрочении своего статуса. Дед, Александр Конце, поднялся уже в институционально защищенный слой образованного бюргерства, стал много путешествующим археологом, профессором в Вене и Берлине, которому мы обязаны созданием Пергамон-Алтаря; он учился еще у Ранке, Бека и Риттера, его ассистентом был Боде.

Существуют социальные генеалогии, которые создают свободное поле деятельности для своих членов и повышают уровень требований к ним, открывая новые сферы приложения сил. Несмотря на войну и инфляцию, Конце еще имел тот минимум духовной и экономической обеспеченности, при котором только и могут процветать образованность и гражданственность. Следуя за перемещением отца по службе, он учился в гимназиях в Наумбурге, Берлине и, наконец, в Лейпциге, где его отец стал советником имперского суда и где сам он в 1929 г. сдал экзамен на аттестат зрелости. Вне всякого сомнения, его сформировала социальная среда, генеалогически глубоко защищенная. Способность относиться к умственному труду как к обязанности, даже как к службе, приносящей радость, – такое достается в колыбели не каждому человеку.

Гуманистическое образование, полученное, конечно, своим трудом, явилось тем преимуществом, которое оставалось с ним на протяжении всей жизни или, говоря языком материалиста, было его достоянием. Об этом свидетельствует тонкое исследование Конце о Лейбнице как историке. Его последняя большая научная работа, международно-сравнительная история образованного бюргерства, хотя и оставшаяся незаконченной, уже получила признание у историков и переживет автора. Он сам вызвал к жизни такие институциональные перемены, которые наделили это научное исследование, как и многие другие его работы, способностью не отставать от времени, невзирая на смену поколений. Умение Конце управлять наукой, следствие удачного сочетания правовых знаний и человеческого такта, тоже можно по праву отнести к накопленным ценностям его социальной генеалогии, записать на счет гражданско-образовательной, в частности юридической, традиции.

Разумеется, каждый индивидуум единственен уже по самой дефиниции этого понятия, и Вернер Конце оставит после себя свои сугубо личные глубокие следы, по которым будут проложены новые колеи социальной истории. Но на его жизненном пути стояли дорожные вехи биографии, которые указывали и назад, на устойчивую традицию закрепленного в семье духа образования и самосовершенствования, позволяющего идти в ногу с окружающим миром. Хорошо известная из учебника чеканная формула – пока живет, развивается – могла бы послужить для характеристики этого человека.

Обычно подлинная история не имеет привычки развиваться по жизненным планам тех, кто в нее вовлечен, – слишком мало значит реальная жизнь отдельного человека для всеобщей истории, от хода которой эта жизнь зависит. Но Конце, обратившись к истории как ученый, классифицировал ее по тем существенно важным параметрам, которые были закреплены в его биографии. Выявить разрывы и перекосы, возникающие между длительно существующими общественными структурами и взрывоподобными переменами, чтобы в этих условиях сохранить или вновь обрести свою индивидуальность, – в этом состоял сугубо личный результат его научной деятельности.

После интермеццо в Марбурге, посвященного истории искусства, Конце через Лейпциг, город Лампрехта и Фрейера, отправился в Кенигсберг. Он не случайно выбрал страну пруссаков, где кончался рейх и начиналась Восточная Европа. Там он осваивал славистику, учил

польский и русский языки. Собственно говоря, он искал место, беременное историческими событиями. Его привлекали не только либеральные традиции этого региона, но и то, что это был невралгический узел назревавших острейших конфликтов: заключенный между Польшей, большевистской Россией и старым германским рейхом, форпост национальной гордости, окруженный национально-территориальными образованиями, проникнутыми духом ирредентизма* и постоянно вступающими во враждующие социальные и политические блоки. Милостью случая Конце нашел в Кенигсберге двух учителей, которые ввели его в курс многослойной и напряженной ситуации, сложившейся в восточной части Центральной Европы, то есть непосредственно у западных границ России. Это были Ротфельс и Ипсен, оба консерваторы, безусловно проникнутые национальным германским духом. Один из них – обращенный в иную веру еврей, другой – великогерманец из Каринтии, но оба отличались способностью к четкой постановке вопросов и обладали развитым методическим мышлением, что впоследствии позволило им в научно-историческом плане преодолеть свою политическую приверженность делу немцев на Востоке.

Конце сумел весьма продуктивно объединить методологические подходы, которым он научился у обоих своих учителей. Ротфельс, с которым его связывало пристальное внимание к традициям, ввел его в мир истории европейских наций и национальностей, в частности, в средоточие открытых, нерешенных и актуальных политических проблем Восточной Европы того времени. При этом типологическое противоречие между западной нацией, для которой главным символом самоидентификации стало государство, и восточноевропейской нацией, самоидентифицирующейся на основе общности языка, служило ключом к объяснению конституционных и духовно-исторических, по Гердеру, различий. Недостаточность подобного подхода для выявления конфликтного потенциала народностей, живших вперемешку по обе стороны государственных границ, Конце понял, работая ассистентом у Ипсена. Как социолог и демограф, Ипсен ориентировался на конкретные ячейки общества, из которых складывается народ, особенно на крестьянские слои, чье генерационное поведение, конечно, регулировалось и направлялось обычаем, законом или господствующим правом, но в такой же мере зависело от возможности добывать себе пропитание, которая была различной у каждой отдельной семьи. Данные о рождаемости и смертности, статистически обработанные и соотнесенные с имуществом, правом наследования и величиной семьи, а также с заработками и ценами, позволяли дать объяснение процессам миграции населения и переменам в его поведении, не теряя при этом представления о жизни, наполненной трудом по дому и в поле. Одним словом, нация, как бы она политически ни конституировалась, проявляет себя прежде всего в истории общественных слоев в процессе их преобразований, протекающих с различной скоростью и зависящих от внешних условий. Этот упрощенный набросок призван прояснить нам лишь од-

* Ирредентизм – националистическое движение в Италии в конце XIX – начале XX в. за присоединение к Италии пограничных земель, частично населенных итальянцами. (Прим. ред.)

но: общество, подвергнутое социографическому анализу, было названо Ипсеном и Конце словом «народ», что имело свои последствия.

1. Наполненное политическим содержанием и выразительное понятие народа, а также народности было разложено на социальные элементы. И тогда выявилось, что язык не может быть единственным критерием для определения нации. Немецкий языковой анклав Хиршенхоф, который Конце изучал в Латвии, возник в XVIII столетии. Это было единственное крестьянское, не дворянское и не буржуазное, поселение в Прибалтике, созданное по указу царицы Елизаветы, жители которого, несмотря на свой немецкий язык, не имели никакого национального сознания. Таким образом, язык, народ и нацию следует аналитически разделять.

2. Этот вывод вошел в историю понятий, над которой работал Конце и которую он, под влиянием в том числе Ипсена и по примеру Отто Бруннера, умел использовать в социально- и конституционно-историческом плане. Для Конце центральные понятия являлись прежде всего индикаторами социальных и специфических по своему составу общностей и политически активных ячеек. Он никогда не обособлял понятие, чтобы, к примеру, определить разницу между бытием и сознанием в критическо-идеологическом и имманентно-языковом отношении.

3. В Прибалтике Конце также наглядно познакомился с жизнью традиционных и досовременных общественных формаций. Во взаимосвязи с этой исследовательской работой находятся два-три тезиса, относящиеся к 1938 г. и позволяющие обнаружить в себе пропольскую, антисемитскую направленность, научным обоснованием которой был демографический анализ, сделанный на материалах Вильно. Насколько твердо, несмотря на эти вкрапления тогдашних установок, придерживался Конце социологических научных критериев, позволявших рассматривать народ как общество, раскладываемое на составные части, свидетельствуют его первая диссертация 1934 г. и докторская диссертация 1940 г. В них вряд ли найдутся громкие слова о германской нации, нет ни слова о войне или победе, не говоря уже о расе или тем более о нордической расе. Докторская диссертация, в которой рассматривалось насильственное введение в Великой Литве пришедшего с Запада через Польшу устава о земельном наделе в гуфах, является строгим аграрно-социологическим исследованием, обращенным к началу эпохи нового времени. Устав с XVI в. служил опояченному литовскому дворянству средством увеличения налогового сбора, предписывая всем крестьянам оптимальную величину семейного хозяйства, поддающегося экономическому управлению. Это трудовое уложение, связанное с имущественной и семейной ситуацией, имело своим следствием в Литве еще и другое эффективное достижение: более стабильное функционирование семейного хозяйства, чем в расположенной к востоку Белоруссии, где традиционный образ жизни вел к постоянному дроблению наделов и, поскольку это не сопровождалось улучшением обработки земли, к снижению общего уровня урожайности. Ни одного националистического или расистского слова нет в этой работе, объясняющей сравнительное снижение производительности, идущее от Германии через Польшу и Литву к Белоруссии, социально-историческими причинами без какой-либо попытки придать научному результату политическую актуальность или полемическую заостренность. Тот, кто знаком с книгами того времени, особенно с

предисловиями тогдашних историков, может только с большим уважением отметить методологическую трезвость, проявленную Конце.

4. Теперь становится понятным, каким образом Конце смог и после 1945 г. придерживаться своего стратегического направления в науке, не прибегая к методологической ревизии. Народная история, во всяком случае в ее социологическом понимании, стала теперь «структурной историей». Научный интерес к народу как нации, вначале мотивированный политическими обстоятельствами, породил методологические приемы, которые независимо от исходной мировоззренческой позиции доступны проверке и поправкам. Смена парадигмы, как это называется по Куну, в данном случае – переход от «народа» к «структуре», оказывается простой сменой слов, которая формализовала начатый однажды научный процесс и двинула его вперед. Это стало видно после катастрофы 1945 г.

Тем самым мы подходим к его труду или, лучше сказать, к его трудам последних 40 лет, в которых дается детальный анализ многих тем из самых различных разделов истории. Материалы для справочника Плетца по истории административных учреждений, включая лекции в радиоколледже «История», теоретические трактаты, эссе, доклады, наброски планов и законченные монографии, свидетельствуют о неустанной активности. Прежде всего следует назвать ряд основополагающих сочинений 50-х годов, в которых Конце теоретически обосновывает и на отдельных примерах демонстрирует предмет и содержание структурной, или, как он иногда говорит, социальной, истории. Эти сочинения вызвали возражения и критику, но гораздо больше получали позитивных откликов прежде всего у послевоенного поколения и побуждали к дальнейшим исследованиям.

Структурная история, вновь и вновь подчеркивал Конце, должна не вытеснять политическую или духовную историю, занимавшую до сих пор доминирующее положение, а, наоборот, вступить с ней в более широкое и интегральное взаимодействие. Опыт индустриально-технического развития и национально-демократических революционных движений не может стать достоянием научного знания, если не будет налажено сотрудничество с выделившимися смежными науками, появление которых само является результатом процесса модернизации. Политическая история не может быть понята без конституционной истории, а последняя – без сословной, классовой или партийной социологии. Политической социологией нельзя заниматься без анализа жизни различных слоев, миграции населения и учения об экономических интересах, а данным учением – без знания экономической теории и истории техники. В каком бы месте ни вступить в этот замкнутый круг, всюду требуется постановка проблем, охватывающих различные отрасли науки, и тем самым хотя бы минимум теории, чтобы справиться с нарастающей сложностью гетерогенной истории нового времени. Конце опирался прежде всего на социологические и экономические теории в той мере, в какой они способствовали пониманию истории и взаимозависимости всех сфер общественной жизни.

Подобную комбинацию методов Конце мастерски применил в сочинении о трансформации обособленной в старосословном обществе черни в современный промышленный пролетариат; или в исследовании, которое раскрывает обусловленный демографическими и экономическими причинами процесс превращения аграрных регионов и аграр-

ных обществ Центральной и Восточной Европы с многоярусной словесной структурой в капиталистическую систему хозяйства. В обоих случаях Конце стремился показать, что полное конфликтов сочетание традиции и инновации остается нерасторжимым.

Такой подход принципиально отличает структурную историю Конце от французской школы «Анналов», с которой его многое связывало в методологическом отношении. Сфера французских исследований осталась в значительной мере ограниченной дореволюционным миром, кажущаяся продолжительность которого отгородила науку от актуально-политических тем. Конце был чужд ностальгии. Он много раз подчеркивал, что именно к так называемой современной истории следует подходить как к структурной истории, ибо она тоже определяется долговременными факторами, а не сводится к амбициозной политике тех или иных преступников или заправил. В научно-программном плане Бродель и Конце совершенно по-разному ответили на крах Франции в 1940 г. и немецкую катастрофу в 1945 г.

Конце никогда не терял интереса к политической истории. Напротив, в многочисленных сочинениях, особенно в докладах на близкие к современности темы, в книгах или больших справочных изданиях он вновь и вновь поднимал германский вопрос, адресованный нашей национальной истории: диахронно (от раннего средневековья до наших дней), или в сравнительном плане (с Польшей или Россией ради нахождения взаимопонимания), или в актуальном смысле (для постоянной поддержки требования о воссоединении Германии). Так, он написал монографию о Якобе Кайзере, которую в принципе мог бы написать и кто-либо другой. Но Конце хотел сам воспроизвести горькое крушение последней общегерманской партии, Христианско-демократического союза Германии. Он скрупулезно, шаг за шагом регистрировал события, почти без комментариев раскрывая тоталитарные приемы и тактические ходы восточной оккупационной власти. В подобных изобразительных формах, близких к происходящим событиям и чрезвычайно наглядных, он искал объективную историческую подлинность, свободную от любых ценностных оценок. Исторический процесс сам по себе давал ему оценочные критерии, которые он мог бы назвать доидеологическими. Тем не менее можно сказать, что здесь Конце остался наиболее близок нашей национальной традиции, даже если он вновь и вновь раскладывал ее на составные части с помощью социально-исторического анализа. Большинство его работ прямо или косвенно относится к травме, заключенной в вопросе: как дошло дело до национал-социализма? В них дается анализ первого раскола 1866 г., приведшего к образованию небольшой германской империи с господствующей ролью Пруссии; соотносятся элементы преемственности и прерывности между кайзеровским рейхом и Веймаром; вновь и вновь исследуются возникновение парламентаризма и кризис многопартийного государства в связи с войной и мировым экономическим кризисом. В работах Конце совокупно рассматриваются традиции и инновации, *de facto* блокировавшие друг друга и именно поэтому приведшие страну к гибели.

В целом Конце выступает против того, чтобы рассматривать прошлое как результат проявления неизбежных закономерностей, придающих истории ореол всегда обоснованной необходимости. Пропор-

ционально его отказу от всякого финалистского толкования развития событий в том смысле, что дело должно было дойти до «третьего рейха», растет, естественно, удельный вес свободы решений, которой Конце должен был наделять отдельных политиков, лидеров партий, функционеров, руководителей союзов и их действующие организации. Тем самым решающим мерилom в его оценке событий незаметно становится обычная ответственность всех участников, вплоть до избирателей. Теоретически сам по себе такой подход никогда нельзя опровергнуть: какая же история могла бы когда-либо возникнуть без того, чтобы задействованные в ней люди не были бы вынуждены принимать решения. Но содержание решений всякий раз вызывает у историка соблазн морального суждения. Конце старается сохранять сдержанность, стремясь лишь к точному описанию цепи событий, но по мере того, как он доходит до акций и их организаторов, он отказывается придавать абсолютное значение структурно-историческому анализу обстоятельств. Никто, разумеется, не разрешит непреодолимого противоречия, которое пролегает между легко читаемой морализирующей историей действий и событий, с одной стороны, и структурно-аналитической историей обстоятельств – с другой. Так, Конце в своей исследовательской практике постоянно применял в разных сочетаниях традиционные и инновационные подходы.

Перед лицом преступлений национал-социализма он полностью отошел на позицию морального осуждения, более того, на религиозную позицию. Обращает на себя внимание, что в это время он больше занимался работами учеников, чем публикацией собственных работ. Так была исследована социология штурмовых отрядов (SA), оказана помощь в появлении публикаций и о преступлениях вермахта, чьим девизом было «русский – не товарищ». Сам Конце издал источниковедческий справочник для школьников и написал историю своей дивизии, что свидетельствует о переполнявших его переживаниях. Ограничившись историей отдельной воинской части, он посвятил свой труд немногим оставшимся в живых, описывая без пафоса их дела и, гораздо подробнее, выпавшие им страдания, вплоть до полного разгрома. Конце не сделал попытки своими силами или вместе с другими провести исследование системы национал-социализма. Моральное осуждение всегда сохраняет свою правоту, однако, повторяясь, не выигрывает в силе. Но и никакой научный анализ никогда не в состоянии в процессе познания постигнуть то, что действительно произошло с миллионами жертв, которых расчетливо превратили в пепел и дым. Конце скуп в своих выражениях, почти беспомощен. Слово, которое он вновь и вновь употребляет, чтобы охарактеризовать Гитлера, – это «злодейство». По старой традиции злодейство является правовой и одновременно религиозной категорией. Конце не анализировал это понятие, предпочитая в данном случае умолчание. Ибо что такое злодейство, которое несоизмеримо ни с какими грехами? Я предполагаю, что молчание Конце было в конечном счете христианской реакцией, поскольку методология структурного анализа все равно недостаточна для объяснения злодейства.

Здесь, если я правильно сужу, лежит причина глубочайшего разрыва, произошедшего между Конце и некоторыми из его самых способных студентов во время студенческих волнений конца 60-х годов. Горьким разочарованием для него стало то, что как раз в тот момент, когда он,

ректор, сторонник реформ, поставил на легальные рельсы новый университетский устав, многие представители молодого послевоенного поколения сознательно порвали с ним отношения. Конце потрясли не помидоры и яйца, которые летели в него. На них он отвечал мужественной улыбкой. Его сразило то, что дискуссия прекратилась там, где она должна была бы начаться. Поскольку именно бунтующие студенты предложили для интерпретации национал-социализма упрощенный структурный анализ, который не мог не оказаться несостоятельным перед действительными событиями прошлого. Лапидарная формула – национал-социализм = капитализм, капитализм = федеративная республика, следовательно, федеративная республика = фашизм, – хотя и выражала серьезное стремление объяснить прошлое поколения отцов через их сегодняшней день и наоборот, но это уравнивание с учетом того, что действительно произошло между 1933 и 1945 г. и что политически имело место в 1969 г., звучало чистой насмешкой, которая сама требовала разъяснения, а не давала его. Груз нацистского прошлого остался, и его дозировка была разной для различных поколений. Так, студенты, оказавшись не в состоянии преодолеть разрыв между поколениями, самоуверенно и в то же время с долей отчаяния актуализировали прошлое, которое уже нельзя было изменить и исправить. Подразумеваемую вину поколения отцов нельзя было снять ни с помощью моральных призывов, ни с помощью структурно-исторических или тем более экономических моделей, объясняющих ход истории. Не без основания в одном из своих тогдашних обращений Конце зывал к христианской любви к ближнему, которая должна быть способна отказаться от ответной любви. Конце не колеблясь принял на себя односторонне возложенный на его поколение груз. Он остался верен своей *vita activa*, обусловленной наследственностью и одновременно способностью к необходимому обновлению.

С никогда не утихающей энергией умел он превращать требования науки в организационные дела. Не претендуя на исчерпывающий список, могу назвать пятнадцать учреждений, которые он основал, возглавлял или в создании которых участвовал: Институт социальной и экономической истории в Гейдельберге, который под новым названием продолжил исследовательскую традицию Альфреда Вебера; Комиссия по истории парламентаризма и политических партий, которая должна была помочь выяснить причины появления нацистской системы и научно обосновать новую конституцию; Балтийская историческая комиссия, призванная способствовать сохранению восточногерманского наследия; Институт современной истории, который должен был помогать изучению национал-социалистической действительности; Институт Южной Азии, созданный в сотрудничестве с Ханом при Гейдельбергском университете и призванный помочь изучению и решению проблем третьего мира; членство в комитете учредителей Бохумского и Билефельдского университетов, имевшее целью открыть новые пути для науки и обучения; ряд общественных инициатив в рамках Исторической комиссии при Баварской академии наук для поддержания исследований по политической истории; руководство Союзом историков в 1972–1976 гг., Сообщество внеуниверситетских исторических учреждений; исторический колледж в Мюнхене; работа в научном совете при Институте истории Макса Планка в Геттингене. Вся эта деятельность была направлена на

интенсивное обновление исследовательских проектов. Такой была работа в академиях Гейдельберга и Дюссельдорфа, где он с трибун, известных своим традиционализмом, развертывал инновационные постановки проблем, в том числе и об антропологическом обосновании истории. Наконец, в 1956–1957 гг. Конце создает и возглавляет семинар по современной социальной истории – инициативную исследовательскую группу, собранную из представителей различных дисциплин для комплексного изучения сложных проблем структурной истории.

Кто сможет измерить труд, который Конце вложил во все эти институты и результатами которого мы пользуемся? Известно, что исторические науки, по крайней мере со времен Теодора Моммзена и Харнака, приобрели тенденцию к превращению в крупное производство, основанное на разделении труда. Но то, что такое производство может быть научно продуктивным только в том случае, если руководитель обладает человеческим глазомером, нам показал Конце. Он в каждом случае заново находил необходимое сочетание терпения и настойчивости. Он в полной мере проявлял себя как помощник и вдохновитель, как учитель и друг, отступая даже в важном для себя деле на второй план.

Последний творческий замысел Конце – дать с помощью своего социально-исторического инструментария новое освещение истории Восточной Европы, воплотив свои первые исследовательские наметки, – перечеркнула смерть. Великую программу своей жизни – написать социальную историю Германии в европейском контексте – он смог осуществить лишь частично, в двух очень детальных и всеохватывающих статьях для справочника по германской экономической и социальной истории и для справочника по германской административной истории. Наполнив их богатой информацией, Конце осветил многочисленные аспекты конкретных событий в длительной ретроспективе, не имея возможности предложить хорошо агрегированную структурную историю. За этим, разумеется, стоит проблема, решить которую в методологическом отношении за короткий срок было невозможно. Требовалось и до сих пор требуется провести целый комплекс отдельных исследований и возделывать значительные пласты научной целины, чтобы подняться на более высокую ступень обобщающего синтеза, если это вообще возможно. Предварительные наработки в этой области Конце не только проделал, инициировал или помог провести, но прежде всего он способствовал созданию соответствующих научных центров. Поэтому его дело не осталось эпизодом. От демографии через историю семьи к аграрной истории, от исследования профессиональных групп к партийной и конституционной истории, отсюда – к национальной истории, истории индустриализации и духовной истории и далее к исследованию понятийно-исторических и, наконец, антропологических основ – таков диапазон его работ и инициатив. Определяя задачи в одной области, он держал в поле зрения и сопредельные сферы, стремясь перешагнуть границы узкой специализации. Его разносторонние методологические начинания и научные выводы продолжают жить в работах многочисленных учеников, что редко выпадает на долю ученого. И если в заключение мне будет позволено говорить от имени его учеников, то это будут слова, выражающие глубокую признательность и желание продолжить его дело.

ЛИТЕРАТУРА

Полный перечень трудов Вернера Конце, опубликованных до 1975 г., содержится в юбилейном сборнике: Ulrich Engelhardt, Volker Sellin u. Horst Stuke (Hrsg.). Soziale Bewegung und politische Verfassung. Beitrage zur Geschichte der modernen Welt. Stuttgart, 1976, S.895–905. Первое описание научной биографии Вернера Конце можно найти в: Wolfgang Schieder u. Volker Sellin (Hrsg.). Sozialgeschichte in Deutschland. Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang. 4 Bde. Goettingen, 1986f.

Среди работ Конце, опубликованных после 1975 г., мы хотели бы выделить следующие:

Die sozialgeschichtliche Bedeutung der deutschen Revolution von 1918/1919. In: Otmar Franz (Hrsg.). Vom Sinn der Geschichte. Stuttgart, 1976, S.71–84.

Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas. Neue Forschungen. Hrsg. v. Werner Conze. Stuttgart, 1976.

Die deutsche Geschichtswissenschaft seit 1945. Bedingungen und Ergebnisse // Historische Zeitschrift, 1977, Bd.225, S.1–28.

Artikel «Militarismus», «Mittelstand», «Monarchie» (Bd.4) und «Proletariat», «Rasse», «Reich», «Säcularisation», «Sicherheit, Schutz» (Bd.5). In: Otto Brunner, Werner Conze u. Reinhart Koselleck (Hrsg.). Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1978–1984.

Der Strukturwandel der Familie im industriellen Modernisierungsprozess – historische Begründung einer aktuellen Frage. Die Familie der Gegenwart in geschichtlicher Sicht. In: Jahrbuch der Heidelberger Akademie der Wissenschaften 1978, S.133–152.

Staatsnationale Entwicklung und Modernisierung im deutschen Reich 1871–1914. In: Werner Conze u.a. (Hrsg.). Modernisierung und nationale Gesellschaft im ausgehenden 18. und 19.Jahrhundert. Referate einer deutsch-polnischen Historikerkonferenz. Berlin, 1979, S.59–70.

Die Gründung des Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte // Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik, 1979, Bd.24, S.23–32.

Konstitutionelle Monarchie – Industrialisierung und deutsche Führungsgeschichten in der Neuzeit. Eine Zwischenbilanz. Boppard, 1980, S.173–201.

Artikel «Die moderne Revolution, Der Beginn der modernen Welt» und «Die deutsche Nation, Epochen deutscher Nationsbildung und die «deutsche» Frage im 20. Jahrhundert». In: Werner Conze u.a. (Hrsg.). Funkkolleg Geschichte. Frankfurt am Main, 1981, Bd.2.

Sozialer und wirtschaftlicher Wandel. In: Kurt G.A.Jeserich, Hans Pohl u. Georg-Christoph von Unruh (Hrsg.). Deutsche Verwaltungsgeschichte. Stuttgart, 1983, Bd.2, S.19–56;

Zum Scheitern der Weimarer Republik, Neue wirtschafts- und sozialgeschichtliche Antworten auf alte Kontroversen // VSWG, 1983, Bd.70, S.215–221;

Hans Rothfels // Historische Zeitschrift, 1983, Bd.237, S.311–360.

Staats- und Nationalpolitik, Kontinuität und Neubeginn. In: Werner Conze u. M. Rainer Lepsius (Hrsg.). Sozialgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Beiträge zum Kontinuitätsproblem. Stuttgart, 1983, S.441–467.

Nationsbildung durch Trennung: Deutschland und Polen im preussischen Osten. In: Otto Pflanze (Hrsg.). Innenpolitische Probleme des Bismarckreiches. München, 1983, S.95–119.

- Zum Verhältnis des Luthertums in den mitteleuropäischen Nationalbewegungen im 19. Jahrhundert. In: Bernd Möller (Hrsg.). Luther in der Neuzeit. Gütersloh, 1983, S.178–193.
- Neue Literatur zur Sozialgeschichte der Familie // VSWG, 1984, Bd.71, S.59–72.
- Werner Conze u. Jürgen Kocka (Hrsg.). Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Teil I: Bildungssystem und Professionalisierung in internationalen Vergleichen. Stuttgart, 1985.
- Ethnogenese und Nationsbildung – Ostmitteleuropa als Beispiel. In: Studien zur Ethnogenese. (Abh. der rheinisch-westfälischen Akademie d. Wiss., Bd.72). Opladen, 1985, S.189–206.
- Die Königsberger Jahre. In: Andreas Hillgruber (Hrsg.). Vom Beruf des Historikers in einer Zeit beschleunigten Wandels. Gedenkschrift für Theodor Schieder. München, 1985, 23–31;
- Evolution und Geschichte. Die doppelte Verzeitlichung des Menschen // Historische Zeitschrift, 1986, Bd.242, S.1–30.